
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕФОРМЫ

Владимир ФИЛАТОВ

Ученые «на виду»: новое явление в российском обществе

В последние годы представители общественных наук все чаще предстают со своими идеями перед широкой аудиторией — на страницах «толстых» журналов, на телевидении, в других средствах массовой информации. Нередко мы слышим их выступления на съездах и иных политических форумах. В отечественной науковедческой литературе этому новому для нашей культуры явлению пока не уделялось должного внимания. Предполагается, по-видимому, что ученые сохраняют свой статус независимо от того, размышляют ли они над своими проблемами в тиши кабинетов и библиотек, обсуждают ли их на научных семинарах или же выступают перед массовой аудиторией. Справедливо ли такое предположение? Нет ли здесь проблем, обсуждение которых может несколько расширить наше представление об отношениях науки и общества? Обратимся вначале к достаточно общим представлениям о характере научной деятельности.

Автономия науки

В философии и социологии науки традиционно распространено мнение о значительной социальной автономии науки. Научному сообществу приписывается статус, до минимума сводящий влияние социального окружения на содержание знания, вмешательство извне в решения академических проблем ученых. Разумеется, в наше время, когда наука стала весьма дорогостоящим предприятием, ученым нередко приходится оправдывать свои претензии на автономию. Чтобы не оказаться в ситуации, весьма распространенной в других областях человеческой деятельности — «кто платит, тот и заказывает музыку», — ученые разработали целую систему аргументации, которая направлена, с одной стороны, на «выбивание» все большей материальной помощи государства и различных фондов, с другой — на доказательство того, что наука, особенно фундаментальная, является самоуправляемой и нуждается лишь в минимальном внешнем регулировании¹.

Однако есть и иной аспект этого вопроса: а как ученые со своей стороны склонны влиять на общество. Типичный ответ состоит в том, что взамен предоставляемым автономии и поддержке ученые бескорыстно передают добываемое ими знание обществу, и это знание используется в производстве, в оборонных целях, в системе образования и др. Сами же ученые как скромные герои не очень понятного и потому не видимого для широкой публики переднего фронта борьбы

---

¹ Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983, с. 193—197.

за истину обычно остаются в тени. В самом деле, вспомним наше недавнее прошлое: многих ли ученых знал обычный, средний человек? Он мог знать имя президента Академии наук, поскольку его можно было увидеть по телевизору на официальных церемониях. Он мог вспомнить 2—3 имени академиков-генералов, выдающихся конструкторов самых быстрых самолетов, а также мог знать, что есть еще более выдающийся, но безымянный Главный конструктор космических аппаратов. Более осведомленные знали, что у нас есть нобелевские лауреаты, но мало кто представлял себе, за что они получили свои премии.

И уж совсем немногие из тех, кому не довелось «повариться» в специфических джунглях советского обществоведения, могли назвать хотя бы одно имя ученого-гуманитария. И действительно, где мог последний предстать перед широкой аудиторией? В скучных и официозных «теоретических подвалах» «Правды», изредка — на страницах «Литературной газеты». Вот, пожалуй, и все общественные трибуны, на которые допускались гуманитарии. Не особенно рискуя ошибиться, можно сказать, что среди нескольких десятков артистов популярного московского театра было больше известных широкой публике людей, чем среди тысяч и тысяч советских ученых.

«Видимые» и «невидимые» ученые

Вообще говоря, ситуация, когда ученые не известны, не «видны» широкой публике, вполне нормальна. Даже талантливый популяризатор научных идей может быть гораздо более известен, чем крупный ученый. Дело в том, что ученые-исследователи адресуют свои идеи прежде всего коллегам и ищут признания внутри научного сообщества, отгороженного от широкой социальной среды специализированным научным языком и малотиражными дисциплинарными журналами.

В социологии науки установлено достаточно определенное разграничение между двумя «форумами», где происходит распространение научных идей и ведутся критические дискуссии вокруг них. Первый — это постоянное и необходимое для самого процесса производства знания поле коммуникаций внутри дисциплинарного сообщества: публикации и критические дискуссии в специализированных научных журналах, регулярные научные семинары и конференции, обмен препринтами и частная переписка ученых, занятых близкой проблематикой. Второй — внешний и для самой научной деятельности не являющийся необходимым: публикации в научно-популярных журналах, выступления по радио, на телевидении, в газетах и т. п. Следует заметить, что в научном сообществе к деятельности ученых на этом втором форуме существует амбивалентное отношение. Одни считают ее оправданной с точки зрения выполнения учеными своей просветительской функции, необходимого посредничества между наукой и общественностью. Другие полагают, что, включаясь в эту деятельность, ученый, чтобы вызвать интерес у «профанов», начинает играть по правилам, принятым в средствах массовой информации. В результате он рискует потерять авторитет в научном сообществе, а то и стать посмешищем в глазах своих коллег².

Таким образом, исходя из стандартных представлений о науке и научном сообществе, трудно обнаружить какие-то серьезные и устойчивые факторы, которые побуждали бы ученых выходить на трибуну и декларировать свои взгляды перед широкой публикой. Типичная позиция здесь такова: это дело популяризаторов и журналистов, пишущих о науке. Однако научная жизнь не всегда укладывается в стандартные представления. Возникают ситуации, когда ученые идут на сотрудничество со средствами массовой информации. Чем же (кроме стремления к пропаганде современных знаний, которое мы в этой статье оставляем в стороне) руководствуются ученые? Анализируя положение в западной науке, В. Порус отмечает: «Прежде всего это соображения «паблисити», стремление к положительной рекламе; увлекательный репортаж в газете, привлечение внимания к результатам исследования — это путь к финансовой поддержке, к должностям, к многолюдной студенческой

² Например, в научной среде Оксфорда и Кембриджа в 20—30-е годы существовало негласное, но строгое правило, согласно которому ученым до 40-летнего возраста возбранялась какая-либо деятельность в средствах массовой информации и популярных изданиях. Нарушение этой нормы могло поставить крест на академической карьере человека. В отечественном обществоведении к этой общей классически академической установке добавлялось и такое: считалось, что публикации типа правдинских «подвалов» недвусмысленно свидетельствуют о том, что их авторы пользуются доверием со стороны идеологического руководства. Это, конечно, не добавляло им репутации в глазах коллег, в целом отрицательно относившихся к официальной идеологии.

аудитории и т. п. Для многих ученых сотрудничество с прессой — это способ внутринаучной борьбы и политического действия. Нередки случаи, когда тот или иной ученый, вступив по тем или иным причинам в конфликт с администрацией университета, кафедры, сообществом коллег, используя прессу, обращается к общественному мнению»³.

В результате такого сотрудничества со средствами массовой информации из научной среды выделяются некоторые ученые, которые завоевывают известность у широкой публики, далеко превосходящую известность даже самых выдающихся исследователей, довольствующихся обычной научной деятельностью и каналами научной коммуникации. Эти «видимые» ученые начинают постоянно выступать в самых разных аудиториях, их лица благодаря телевидению становятся знакомыми миллионам людей, по разным поводам у них берут интервью и т. д. Разумеется, очень немногим удастся стать такими знаменитостями: не меньшую роль, чем знания и научные заслуги, здесь играют личные качества — внешность, умение ярко говорить, экстравагантность и независимость поведения и суждений, быстрое реагирование на изменение интеллектуальных вкусов аудитории и т. п. Кстати сказать, давно замечено, что массовую аудиторию больше интересуют личные черты и личная жизнь человека, чем содержание его идей⁴.

«Видимые» ученые в истории советской науки

Хотя выше отмечалось, что «видимость» в советской науке имела ограниченный, дозированный властью характер, стоит упомянуть о некоторых отступлениях от этого правила. Тем более, что они проливают свет на ряд особенностей социальной истории советской науки.

Относительно некоторых фигур, достаточно широко известных общественности, определено можно сказать, что их «видимость» обусловлена не в меньшей степени пропагандистскими кампаниями в средствах массовой информации, чем их реальными научными достижениями. Это, например, Н. Марр, И. Мичурин, О. Шмидт, Р. Вильямс... Их имена были на слуху, они много публиковались в прессе, о них снимались фильмы, писались очерки. Однако если мы захотим узнать, в чем же состоял их реальный вклад в науку, то не обнаружим ничего вразумительного, более того, в их деятельности было немало псевдонаучного.

Но, конечно, самой яркой фигурой среда «видимых» ученых 30—40-х годов был Т. Лысенко. Каждый его шаг вверх — от селекционера-практика на провинциальных селекционных станциях до академика, президента ВАСХНИЛ, депутата Верховного Совета, кавалера семи орденов Ленина и лауреата трех Сталинских премий — сопровождался обработкой публичного мнения в средствах массовой информации. Любопытно, что лишь самые первые его публикации проходили по традиционным для его области деятельности каналам (и то это были незаметные ведомственные издания). В начале 30-х годов выступление Лысенко на научной конференции подверглось жесткой критике, и с тех пор он не опубликовал в научных журналах ни одной работы. Подавляющая часть из 500 его публикаций — это газетные статьи, приветствия колхозникам, выступления на слетах передовиков и т.п. Остальное составляют квазинаучные статьи в организованных и контролируемых им самим же изданиях⁵. Нужно отметить, что Лысенко создал и культивировал в газетах и публичных выступлениях весьма удачный я соответствующий духу того времени образ «народного ученого»: простого «мужицкого сына», вознесенного на вершины науки заботами партии и авторитетом среди земледельцев-практиков. Лысенко пользовался большой популярностью среди пишущей братии, его снимали кинодокументалисты, хоры пели о нем песни, писатели слагали стихи и очерки. Довольно мощная по тем временам машина прессы и псевдоискусства неизменно поддерживала его образ «видимого» ученого.

В обществоведении в сталинские времена не было столь заметных фигур. После разгрома на рубеже 20—30-х годов научных сообществ в политэкономии, истории, социологии, философии и других областях к руководству соответствующими «научными фронтами» пришли люди, отличавшиеся в основном умением плести закулисные интриги и заручаться поддержкой вла-

³ П о р у с В. Н. Наука—средства массовой информации—общественность. «Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984—1985». М., 1986, с. 198.

⁴ Один из таких «видимых» ученых, американский энтомолог П. Эрлих, в 70-е годы прославился своими выступлениями об угрожающем планете перенаселении. Чтобы придать убедительность своей позиции, ученый подверг себя стерилизации.

⁵ См. библиографию его работ в кн. Л ы с е н к о Т. Д. Агробиология. 4-е изд. М., 1948.

стей. Конечно, пропагандистская машина могла бы сделать имя и им, однако это могло затронуть образ «корифея всех наук». Поэтому людям типа М. Митина и П. Юдина приходилось заниматься в основном идеологическим контролем и самим поддерживать и совершенствовать в прессе образ величайшего теоретика обществоведения всех времен и народов.

Перестройка и гласность: появление «видимых» ученых

Дарованная с середины 80-х годов гласность создала уникальную почву для появления нового типа «видимых» ученых в нашем обществе. Вспомним не столь уж отдаленные события: за первыми пробными выступлениями последовал буквально взрыв того, что получило название «докторская публицистика». В журналах с миллионными тиражами из номера в номер печатались статьи ученых — историков, экономистов, литературоведов, философов... Публикации быстро оказывались в центре внимания общественности. «Что делать?», «кто виноват?», «какая дорога приведет нас к храму?», «как накормить страну?», «где пышнее пироги?», «кто будет возвращать народу долги?», «как сломать хребет административной системе?» — ответы на эти и подобные им вопросы наперебой предлагалась со страниц журналов и газет. За короткое время из академической среды выдвинулись и стали известны широкой читающей публике имена Н. Шмелева, А. Алексеева, Г. Попова, А. Ципко, О. Лациса, И. Клямкина, А. Миграняна, Л. Пияшевой, Б. Грушина, Л. Баткина и др.

Хотя телевидение подключилось к этому процессу несколько позже, оно открыло новые, недоступные печатному слову возможности. «Видимые» ученые включились в текущий политический процесс, их суждения и оценки шли вместе с нарастающими политическими переменами в стране: демократическими выборами в органы власти, первыми бурными съездами, образованием политических партий и т. п. Разумеется, телевидение предъявляло свои, более жесткие требования к кандидатам на «видимость». Здесь уже было недостаточно академического запаса знаний и накопленных в знаменитых «кухонных дискуссиях» аргументов. Чтобы находиться в фокусе общественного внимания в телевизионных дебатах или на многолюдных политических митингах, нужны яркий стиль поведения, точность высказываний, умение судить обо всем на свете и в нескольких фразах выражать свои идеи, способность быстро находить удачные аргументы против оппонентов. Далеко не все из первой когорты «видимых» ученых выдержали эти требования. Одно дело — писать статьи, пусть даже и популярные, и отвечающие на далекий от академизма вопрос: «как нам перестроить страну?». И совсем другое — участвовать в интеллектуально-политических «шоу», которые устраивали «Взгляд» и другие телерадиокомпании. В одном из интервью Пияшева рассказывала о том, что ей даже доводилось выступать перед большими аудиториями в программах вместе с популярными рок-группами. Можно представить, насколько далеко стиль подобных выступлений по экономическим проблемам отходил от традиционных для ученого научных докладов и лекций студентам.

Вместе с тем те ученые, которым удалось в подобном отборе завоевать средства массовой информации, получили уникальную возможность для политической карьеры. В самом деле, в условиях слабо структурированной политической жизни и дискредитации партийных функционеров «видимость» давала большие преимущества, например при выборах в представительные органы власти. К тому же, что бы ни отстаивал в своих выступлениях такой ученый, к его словам незримо добавлялся авторитет стоящей за ним науки — как в смысле живого представительства объективной истины, так и в плане приписываемого всему научному сообществу демократизма и определенной оппозиционности традиционной партийной структуре власти.

Целый ряд фигур не преминули воспользоваться этим вновь открывшимся каналом продвижения на политическое поприще. Весьма интересно было бы проанализировать отношение коллег по научному сообществу к подобному изменению сферы деятельности. Из общих соображений можно полагать, что оно было вполне терпимым. Большинство понимало, что научную карьеру люди в нашей стране часто выбирали не из какой-то особой тяги к исследовательской деятельности, а просто потому, что это была едва ли не единственная сфера, где можно было осмысленно и рационально реализовать свои способности. Поэтому в новой ситуации ничего удивительного в значительном оттоке ученых в политическую (и предпринимательскую) деятельность научная общественность не видела. Несколько более скептически воспринимается

стремление людей, включающихся в политическую жизнь, апеллировать к прежним научным заслугам и сохранять образ ученого. Хорошо известно, что после двух-трехлетнего перерыва в научной работе ученый безнадежно отстает от своих коллег и уже не может подключиться к настоящей научной работе.

Эшелоны «видимых» ученых

По самой своей природе «видимые» ученые — штучный товар. Поэтому вряд ли можно найти какие-то закономерности в том, как и почему они появляются на общественной трибуне. Однако обнаруживается некоторый ритм в том, как одни группы таких ученых постепенно утрачивают свое влияние и уступают свое место другим.

Последние годы отличались значительным динамизмом социально-политических перемен в российском обществе. Также быстро менялись восприятие и оценки новых идей массовой аудиторией. Это относится и к интересующему нас вопросу: за весьма непродолжительный срок на интеллектуальной сцене последовательно представляли, сменяя друг друга, по крайней мере три эшелона «видимых» ученых.

В первом из них доминировали представители того поколения обществоведов, которое обычно называют «шестидесятники». В этом нет ничего неожиданного, поскольку сама перестройка была инициирована деятелями этого поколения, сумевшими достичь высоких постов в партийно-государственных структурах. Представляется, что пафос, стиль выступлений, характер критики и рецептов по переустройству общества, которые можно было услышать от первых «видимых» историков, экономистов, философов, весьма хорошо укладываются в рамки общего мировоззрения «шестидесятников». Это поколение имело к середине 80-х годов преимущества перед другими, поскольку оно наработало известный идейный багаж, обладало опытом противостояния отжившим идеологическим структурам и в то же время уже доминировало в большинстве научных коллективов.

Вот, к примеру, оценка деятельности философов-«шестидесятников»: «Крайне несправедливо не видеть трудную и напряженную работу мысли, происходившую в нашей философии в особенности в 60—80-е годы и ставшую делом жизни поколения философов-«шестидесятников»... Сегодня, когда о приоритете общечеловеческих ценностей заявляют многие партии и общественные

движения, не стоит забывать о том, сколь ожесточенную критику в свое время вызывали попытки философов говорить о них. Охранители «устоев» видели — и не без основания — в таких попытках стремление отойти от одномерности классового подхода, классового видения всей социальной реальности. ...Можно констатировать, что под именем философии в нашей стране существовали, по сути дела, две принципиально разные философии: официальная, принявшая на себя роль охранителя партийно-государственной идеологии, и подлинная, сумевшая возродить и сохранить образцы профессиональной философской работы. Более того, она во многом по-новому развивала научные и гуманистические основания философии марксизма в новых условиях»⁶.

Феномен «шестидесятничества» обстоятельно еще не проанализирован. Но представляется, что «видимые» обществоведы этого поколения сделали достаточно явными некоторые его глубинные интенции. Пафос ответственности за судьбу страны, понимание интеллигенции как едва ли не единственного субъекта исторического действия, мышление в перспективе возможной власти (отсюда тяга к большим рациональным проектам, к вопросам «что делать?», «как нам обустроить?» и т. п.), понимание научного знания не только как знания, но и как общественного блага — все это придавало выступлениям обществоведов-«шестидесятников» особый идеологический настрой и прямо связывало их с традициями прогрессивной русской интеллигенции. Можно предположить, что в лице «видимых» ученых на рубеже 80—90-х годов мы увидели и услышали на общественных трибунах представителей поколения последних отечественных интеллигентов (в том специфическом смысле этого явления, который отличает его от образа обычного современного интеллектуала).

Чтобы еще пояснить эту мысль, приведу оценку «взлета и падения» общественной активности «шестидесятников» с точки зрения молодого поколения гуманитариев: «Перестройка и «новое мышление» есть наиболее очевидная победа «шестидесятников». Не только потому, что

⁶ Развитие научных и гуманистических оснований философии: итоги и перспективы. «Вопросы философии», 1992, № 10, с. 87, 90.

они заняли все места, «взявшись за руки». Все основные черты проекта перестройки: наука и техника как идеология, гуманизм общечеловеческих ценностей, императив разумности-сознательности как геополитическая доктрина, нормализация СССР под знаком европоцентризма и т. п.— все это основные черты проекта «шестидесятников». И очевидная победа не сознающей себя властной стратегии есть (хотя и менее очевидным образом) поражение, крах этого проекта. Хаос перестройки ставит последнюю жирную точку на затянувшемся эпическом сказе о крушении поколенческого проекта... «Новое мышление», «добрые намерения», разумность и здравый смысл, моральность в политике, «ологичивание» профанной эмпирии вернули «шестидесятников» к тому, с чего они начинали,— к бинарной оппозиции цели и средств. Они застали себя сегодня у того же разбитого корыта, от которого некогда отправились в историческую одиссею: они ни в чем не превзошли горизонт того, что они высокомерно именуют "тоталитаризмом"⁷. Сейчас среди «видимых» ученых фигуры «шестидесятников» отошли на второй план. На смену им пришли представители поколения, не заставшего XX съезда, не испытывавшего в молодости пафоса возвращения к «подлинному Марксу» и жизненно не причастного к «оттепели» конца 50 — начала 60-х годов. Изначально они ориентировались в своих научных дисциплинах в основном на зарубежную литературу и западные концепции. В отличие от «шестидесятников» они весьма чувствительны к тому, что можно назвать «идеологией формы»: разговоры о гуманизации и «новом мышлении», пафос перестройки и новые рациональные проекты строительства общества, которые выдвигались «архитекторами перестройки»,— все это вызывает у них скептицизм и оценивается как попытки говорить о новых проблемах старым языком.

Сначала на сцене появились представители более молодого поколения академической науки, тон среди которых задавали экономисты и «политологи»⁸. Первые делали себе, имя на разъяснении того, что такое настоящий рынок и шоковая терапия, вторые развенчивали традиционное для нашего общества харизматическое отношение к властным структурам и пытались эксплицировать складывающуюся в новой России «микрофизику власти». Свежие лица, деидеологизированный язык, ощущение хорошей академической подготовки позволяли быстро завоевывать популярность у неизбалованной интеллектуалами российской аудитории и, что не менее важно, у молодых и динамичных редакторов средств массовой информации. Уже одно то, что эти люди время от времени давали интервью на английском языке, магически действовало на публику, еще не забывшую косноязычие теоретиков социализма времен Суллова.

Наконец, третий эшелон «видимых» обществоведов, появившийся в средствах массовой информации в 1992 году, условно можно обозначить как «экспертов» (в отличие от предыдущего, представители которого создавали, скорее, имидж «независимых интеллектуалов», хотя и готовых к сотрудничеству с властями, но лишь на своих условиях). Появление этих фигур связано с лихорадочным основанием всевозможных социологических и политологических, экономических и стратегических центров, явно настроенных на обслуживание тех или иных структур власти, предпринимательства, общественных организаций. Откуда взялись эти новые, молодые «эксперты»? Можно предположить, что многие из них начинали свою карьеру в системе партийных и комсомольских учебных заведений, которая была разрушена или реорганизована в 1991—1992 годах. Конкурировать в одиночку с представителями академической науки им непросто, однако это вполне можно делать, выступая с оценками от имени центра или исследовательского фонда с солидным наукообразным названием.

Негативные стороны «видимости»: «поп-наука» и научное «антрепренерство»

В целом к факту появления «видимых» ученых, наверное, нужно относиться позитивно. Во всяком случае, их присутствие повышает интеллектуальный уровень массовой информации, заставляет ученых-обществоведов больше размышлять о животрепещущих социальных пробле-

⁷ Надточий Э. Выступление на «круглом столе» «Философия М. Хайдеггера». «Логос»,

⁸ Это слово взято в кавычки, поскольку политологии как таковой до 90-х годов в России не существовало: не было ни соответствующих учебных программ, ни научных степеней по этой дисциплине. Можно сказать, что наша «политология» во многом и конституировалась благодаря средствам массовой информации, а ее первые «видимые» фигуры (А. Мигранян, Л. Радзиховский, Д. Ольшанский и др.) спешно переквалифицировались в политологов из психологов, специалистов по критике западной философии и идеологии и т. п.

мах. Но если взглянуть на этот вопрос с точки зрения самой науки, то он оказывается не столь простым. Вовлечение науки в массовые коммуникации, а через них в политическую жизнь чревато и некоторыми негативными последствиями, в частности размыванием стандартов научности в обществоведении, которые в нашем обществе и так не слишком устойчивы и высоки.

Философский анализ науки обычно сосредоточивается на лучших проявлениях научного знания — наиболее глубоких и стройных теориях, крупных научных открытиях и т. п. Однако знание, как и всякий продукт человеческой деятельности, бывает разного качества, в том числе и плохого. В исследованиях, проводимых в рамках профессионального научного сообщества, существует ряд критических механизмов, позволяющих отбирать по рациональным критериям качественное знание, отличая его от некачественного. Иначе дело может сложиться, когда знание распространяется и отчасти производится во внеучебной среде, в частности в средствах массовой информации.

В западной литературе сомнительное знание, ориентированное на эту сферу, называют «поп-наукой». Она охватывает многообразие околонучных и псевдонаучных статей, книг, радио- и телепередач, формирующих у публики весьма искаженные представления о науке. Велика доля «поп-науки» и в обществоведении. Так, в США, по оценкам самих же американских специалистов, «большинство из так называемых «социологических» работ, количество которых прямо-таки катастрофически увеличилось в последние десятилетия (только в 1978 году — около 4000), скорее, можно назвать «мифами» и политической рекламой, а их научные качества лежат ниже всякой критики. Такие издания выходят массовыми тиражами, сравниваясь с СМИ; появление разгромных рецензий в академических изданиях только ухудшает дело, ибо массовые газеты и журналы в дальнейшем ссылаются на эти рецензии как на факт «научного признания» этих опусов; получив подобные рекомендации, вредная чушь в течение длительного времени оказывает влияние на общественное мнение»⁹.

Представляется, что явные черты «поп-науки» нетрудно обнаружить и в выступлениях некоторых наших «видимых» ученых и «экспертов». По каким же признакам некий текст или дискурс можно отнести к такого рода знанию? Во-первых, в науке выбор и значимость проблем определяются прежде всего внутринаучными факторами, собственной логикой развития научных исследований. Напротив, в «поп-науке» эта значимость определяется той степенью, в какой проблема оказывается в фокусе интересов и потребностей массовой аудитории. Более того, степень восприятия и возможной реакцией последней определяется и адекватность решения проблемы. Этим, кстати говоря, можно объяснить и радикализм, простоту тех рецептов (иногда заставляющих вспомнить известный в 20-е годы афоризм «будет радио — будет счастье»), которые мы получаем от «видимых» ученых.

А между тем для сложных социальных проблем — и ученым это известно лучше, чем кому-либо еще — наука обычно не может предложить какую-то панацею. Далее, научное знание имеет дескриптивные и объяснительные функции, от него редко можно требовать ответа настолько любимый «видимыми» учеными вопрос «что делать?». Это, говоря словами И. Канта, сфера практического разума, в которой действуют свои закономерности. Реально же попытки ответить на этот вопрос оборачиваются «онаучиванием», переложением на академический жаргон тех представлений, которые уже «гуляют» в обществе. Наконец, стоит обратить внимание и на то, какие научные взгляды избираются для широкой огласки, кто из ученых объявляется средствами массовой информации авторитетом и экспертом в своей области. Дело в том, что подобный отбор вовсе не похож на тот, который существует внутри самого научного сообщества. В научном мире основную роль в конечном счете играют рациональные критерии и дискуссии специалистов. На телевидении же и в прессе решающее значение приобретает отбор по идеологическим предпочтениям. К роли экспертов редакторы склонны привлекать тех, чья позиция в большей степени соответствует их представлениям о том, куда нужно повернуть общественное мнение, к каким вопросам привлечь общественное внимание и т. д.

Известный исследователь социальных проблем науки Дж. Равец выделяет такую любопытную разновидность некачественных исследований, как научное «антрепренерство»¹⁰. Как правило, оно возникает в незрелых научных областях или в наскоро собираемых коллективах.

⁹Цит. по: П о р у с В. Н. Наука—средства массовой информации—общественность. «Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984—1985», с 211.

¹⁰См. R a v e t z J. Scientific knowledge and its social problems. Oxford, 1971, p. 384—385.

Представителей такого стиля научной работы отличает готовность браться за любые проблемы, если это сулит материальные или иные дивиденды. При этом они готовы провести так называемое «быстрое исследование», даже если специалистам ясно, что данная проблема содержит много неразработанных сторон, требующих обстоятельных исследований. В качестве результата подобных разработок заказчикам обычно обещается солидная программа практических действий. Реально же такие «антрепренерские» группы, как правило, имеют некоторый манифест и ограниченный набор наукообразных клише, под которые они подгоняют конкретную информацию. Эти группы производят много шума, но не ведут научных исследований как таковых; главное для них — уловить желания заказчиков, обработать их и возвратить в овященном авторитетом науки виде.

Следует выделить и еще одну сторону обсуждаемой проблемы. Выше уже отмечалось, что научное сообщество с известной настороженностью смотрит на попытки совмещения научной работы с деятельностью в средствах массовой информации, а через них — в политике. Можно видеть в этом известный снобизм, однако за ним стоит вполне здоровое понимание того, что политика и наука — достаточно разные по своему характеру сферы деятельности. Разумеется, хороший теоретический кругозор не помешает политике, равно как и знание политических реалий полезно общественведы. Но невозможно добиться чего-либо стоящего в науке (как и в политике), если заниматься ей время от времени, «на полставки». Попытка усидеть на двух стульях губительна для творческого потенциала личности. На опыте последних лет мы сами могли убедиться в том, как у вовлеченных в массовые движения ученых от научного багажа вскоре остается лишь ученая степень.

В этой связи можно привести доводы из одной любопытной книги о психологии людей, участвующих в таких движениях: «Активное массовое движение по-разному глубоко мешает творческому процессу: 1) оно разжигает страсти и тем самым отводит энергию от творческой работы — страстное участие в массовом движении для творчества подобно беспутному образу жизни; 2) творческую работу подчиняют целям движения — литература, искусство, наука становятся или пропагандой, или обязаны служить узко практическим целям. Истинно верующий писатель, художник или ученый творит не для того, чтобы выразить самого себя или чтобы спасти свою душу, или открыть новую истину или красоту; его задача, как он ее сам понимает, — предостеречь, советовать, уговаривать, прославлять или осуждать; 3) творческая энергия уходит и туда, где массовое движение открывает широкое поле для деятельности...; 4) фанатическое состояние ума само по себе душит все виды творческой работы; презрение фанатика к настоящему не дает видеть всей сложности и неповторимости жизни; все, что волнует творческую фантазию, фанатику кажется обыкновенным или вредным»¹¹.

Нет особых оснований думать, что «видимые» ученые окажутся временным явлением, что они исчезнут так же, как и появились. Однако можно предположить, что тематика выступлений этих ученых будет претерпевать существенные изменения. Сейчас на общественной трибуне тон задают экономисты и политологи. В этом нет ничего удивительного, поскольку экономическая и политическая реформы стоят в центре общественного внимания в России. Между тем в западных странах людей интересуют иные проблемы. Так, приблизительно три четверти выступлений по проблемам науки в средствах массовой информации США и Англии посвящены медицине, биоэтике и биологии человека. Далее по степени частоты идут науки о поведении, космонавтика и инженерия, экология и лишь затем — политические науки. В принципе, такое распределение интересов более естественно для нормальных людей, озабоченных не экономическим выживанием, а качеством жизни и оздоровлением окружающей среды. Когда в массовом сознании нашего общества возрастет интерес к аналогичной тематике, можно будет говорить о нормализации социальной ситуации. Пока же от представителей науки хотят услышать прежде всего рецепты выхода из кризиса, поэтому многое из того, что потенциально могло бы вызвать интерес у массовой аудитории, остается скрытым в «невидимой» науке.

---

¹¹ Х о ф е р Э. Истинноверующий. Нью-Йорк, 1962, с. 182—183.